

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
E-ISSN: 2409-1707
2018, 6(1): 25-41

DOI: 10.13187/vs.2018.1.25

www.ejournal6.com

Representations of the Cossack and Cossacks Class in the Books of N.I. Krasnov of 1860: «Citizens» vs «Warrior»

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}^a Southern Federal University, Russian Federation^b East European Historical Society, Russian Federation

Abstract

This work is devoted to the representations of the Cossack and Cossacks class in official studies written by the officer (later the general) of the Main directorate of irregular troops N.I. Krasnov in the years 1863-1870. These are «Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast» and two versions of «Military review of the Don Host Oblast». The author shows that N.I. Krasnov regarded the Cossacks as an extremely ineffective social institution in their early texts. In his view, the social roles of the "Cossack-citizen" and "Cossack-warrior" were incompatible. Meanwhile, the institution of the Cossacks assumed the combination of these roles from the 18th century. This put the Cossacks in a "false" or "transitional" position. For this reason, N.I. Krasnov advocated radical reforms of the Cossacks. By the end of the decade, he somewhat softened his position, but continued to consider the roles of "Cossack-citizen" and "Cossack-warrior" incompatible.

Keywords: Representations of the Cossack, representations of the Cossacks class, government policy towards the Cossack Hosts, D.A. Milyutin, N.I. Krasnov, «Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast», «Military review of the Don Host Oblast».

1. Введение

История российского казачества представляет собой причудливое сочетание досконально изученных сюжетов, историографических мифов и белых пятен, по каким-то причинам так и не привлечших должного внимания историков (Перетятко, 2014: 5). Недостаточно изученной остается, в частности, тема образов казачества как сословия и казаков как особой группы населения, характерных для российского общества в различные периоды времени. Существующие работы о образах казака и казачества обычно трактуют проблему этнографически, а не исторически, не рассматривая попытки искусственной трансформации этих образов в прошлом, и, тем более, не выявляя ее причин (Рыблова, 2009). Исключение представляет небольшая статья А.А. Волвенко, в которой конкурирующие образы казачества, характерные для начала 1860 гг., анализируются в связи с деятельностью конкретных общественных движений (Волвенко, 2006).

Между тем, представления о казаках и о казачестве, озвучиваемые в официальных исследованиях казачьих войск, были тесно связаны с правительственной политикой. А.А. Волвенко пишет, что имперская власть рассматривала «общественное мнение и

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

печатное слово» «в качестве важного инструмента обоснования своей легитимности». И поэтому различными властными инстанциями публиковались книги о прошлом и настоящем казачьих войск, транслирующие широкой публике те образы казака и казачества, которые оправдывали правительственную политику (Волвенко, 2006: 79-80). Впрочем, нам это мнение представляется небесспорным: в печатном органе Военного Министерства, «Русском инвалиде», в 1879 г была опубликована статья, в которой сообщалось, что «ряд преобразований по казачьим войскам, касающийся не только их военной, но и экономической жизни, давно уже требовал собрания, по возможности, точных, подробных и научно обработанных статистических данных, касающихся каждого из десяти ныне существующих казачьих войск» (Статистическое описание, 1879: 3). Как нетрудно заметить, анонимный автор «Русского инвалида» инвертировал логику А.А. Волвенко: он утверждал, что не образы казака и казачества, отраженные в официальных исследованиях, формировались в соответствии с требованиями государственной политики, но сама эта политика завесила от того, к каким выводам приходили исследователи казачьих войск, находящиеся на государственной службе.

А.А. Волвенко обращал внимание так же на то, что образ казачества в «большой части» российского общества начал по-настоящему формироваться только начиная с эпохи Великих реформ, а до этого «основными понятиями о казачестве» обладали только «узкие круги военных, правительственных чиновников и редких писателей на казачьи темы» (Волвенко, 2006: 79-80). Данный тезис, безусловно, нуждается в определенной корректировке и уточнении: к образу казачества и до 1860 гг. неоднократно обращались российские писатели, включая классиков. Достаточно вспомнить «Историю Пугачева» А.С. Пушкина (Пушкин, 1962), казачьи повести Н.В. Гоголя (Гоголь, 1968а; Гоголь 1968b) или тексты на казачью тематику М.С. Лермонтова (о них подробно см. (Потапова, 2013)). Однако все эти произведения, за исключением пушкинской «Истории Пугачева», относились к художественному жанру, и уже поэтому создаваемые в них образы не могли восприниматься читателями как свободные от авторского вымысла. Число же научных и публицистических работ о, например, Донском казачьем войске было крайне незначительным, а их уровень вызывал уже у современников множество нареканий (Краснов, 1863: 1-8). И поэтому для среднестатистического представителя российской интеллектуальной элиты, не интересующегося специально историей казачества и не воспринимающего художественные тексты как источник знаний о нем, Земля Войска Донского, как и территория любого другого казачьего войска до середины XIX в. действительно оставалась своеобразной «terra incognita» (Сенюткин, 1866: 95). Это выражение дословно взято нами из заметки донского автора М.Х. Сенюткина, далее жаловавшегося, что «не говоря уже о черни на Руси, которая привыкла смешивать казаков с татарами, самые образованные люди имеют часто смешные понятия о казаках. Многие совершенно уверены, что казаки говорят своим особенным наречием, отличным от русского, что они имеют свою веру – не православную, что они живут, что они живут, как черкесы или татары, в аулах, не имея понятия об образовании» (Сенюткин, 1866: 95). В подтверждение этой своей мысли М.Х. Сенюткин приводил несколько «анекдотов», из которых наиболее показателен последний, про Санкт-петербургского педагога, уверенного, что ученики с Дона не знакомы с русским языком (Сенюткин, 1866: 95).

Таким образом, хотя А.А. Волвенко допускает определенную фактическую ошибку, он прав в основной идее своего утверждения: хотя образы казака и казачества в российском обществе начали формироваться задолго до 1860 гг., первоначально эти образы были литературными и условными, и характеризовали не реальных жителей казачьих областей, но героев художественных произведений, в некоторых случаях (у Н.В. Гоголя) полуфантастических. В исследованиях последних лет неоднократно (Volvenko, 2015a: 20; Peretyatko, 2017b: 1408) приводился еще один случай, сохраненный для потомков высокопоставленным военным чиновником, генералом А.П. Чеботаревым: в 1851 г. на званом обеде в Санкт-Петербурге, на котором присутствовали представители литературных кругов (то есть интеллектуальной элиты Российской империи) такой образованный человек, как Н.И. Греч, обратился к гостю-казаку с вопросами, исчезают ли на Дону кочевья, делает ли успехи христианская проповедь, и вообще, проникают ли в казачью среду хоть какие-то «начала европейской жизни» (Дон, 1879: 179)? Соответственно, тогда Военное Министерство

находилось в наилучшем положении для того, чтобы навязать общественному мнению именно те образы, которые были выгодны ему.

И одним из первых вольных или невольных исполнителей «правительственного заказа» по формированию образа казачества стал донской офицер и статистик Н.И. Краснов. Менее чем за одно десятилетие, в 1863-1870 гг., он выпустил в различных официальных сериях, издаваемых Военным Министерством и Генеральным Штабом, целых три историко-статистических описания Земли Войска Донского, каждое из которых характеризовало донских казаков полнее и многограннее, чем все опубликованные до этого книги. Параллельно с этим, Н.И. Краснов сотрудничал и с периодическими изданиями, публикуя в них статьи на казачью тематику (Перетятко, 2015: 227-233). Подобная активность не просто одобрялась начальством, но и способствовала стремительной военно-статистической карьере будущего генерала: если в начале 1863 г. он был штабс-капитаном, не занимающим постоянной должности в аппарате Военного Министерства, то 1870 г. донской писатель встречал уже полковником и начальником незадолго до этого созданного межевого и статистического отделения Главного управления иррегулярных войск (Список, 1891: 445; Королев, 1991: 235). В своей статье мы решили обратиться к его работам, чтобы понять, содержащиеся в них образы казака и казачества соответствовали правительственной политике. Особое значение мы планируем уделить предложенному Н.И. Красновым противопоставлению социальных ролей «казака-воина» и «казака-гражданина», имевшему определенное значение в долгосрочной эволюции представлений российских авторов о казачестве.

2. Материалы и методы

Основным источником для нашего исследования послужат три книги Н.И. Краснова, «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского» (Краснов, 1863), «Военное обозрение Земли Войска Донского» 1864 г. (Краснов, 1864) и «Военное обозрение Земли Войска Донского» 1870 г. (Краснов, 1870), которые мы будем сопоставлять как с государственной политикой по отношению к казачьим войскам, так и с хронологически близкими им текстами, как опубликованными, так и неопубликованными (материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Государственного архива Ростовской области (ГАРО)).

Помимо историко-сравнительного метода, который мы будем применять при сопоставлении этих текстов, нами будет широко востребован историко-биографический метод, для понимания того, почему Н.И. Краснов вступили в контакт с властными структурами и стал исполнителем «правительственного заказа». А эпизодическое применение историко-описательного метода поможет нам познакомить читателей с некоторыми сюжетами, важными для написания разбираемых нами работ.

3. Обсуждение

В начале 1860 гг. имперские власти и лично военный министр Д.А. Милютин планировали масштабные реформы казачества, направленные на его приближение к остальному населению Российской империи (Peretyatko, 2017b: 1406-1411). На Дону такие планы вызвали открытое возмущение большинства казаков, однако семейство Красновых было в числе немногочисленных сторонников избранного властями курса. Отец Н.И. Краснова, И.И. Краснов, в его поддержке доходил до того, что написанные им статьи недоброжелатели называли «руководствами» к действию для чиновников Военного Министерства (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1). Интерес И.И. Краснова и его родственников к правительственным предложениям опирался на вполне меркантильные причины: Д.А. Милютин был сторонником введения на Дону частной собственности на землю, то есть, фактически, передачи местным помещикам тех участков, пользователями которых они являлись раньше (Волвенко, 2014а: 12-18). Многие из Красновых рассчитывали получить такие участки, и еще современникам, как отмечает современный историк О.М. Морозова, «не нравилось, что в позиции Краснова (И.И. – А.П.) было слишком много личного финансового интереса» (Морозова, 2011: 21). К этому добавлялись и идеологические факторы: члены семьи Красновых, как и другие сторонники правительственных реформ из казачьей среды, с детства воспитывались за пределами Дона, и, очевидно, не были

затронуты популярными среди других казаков идеями о приоритете интересов Донского войска над интересами Российской империи и неприкосновенности исторически сложившихся привилегий казачества даже в тех случаях, когда они были невыгодны для государства и всех остальных сословий (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a: 375).

Пропагандируя непопулярные на Дону идеи о необходимости радикальных реформ, Н.И. Краснов быстро превратился в нежелательную фигуру для представителей местной интеллектуальной элиты. Отношение этой элиты к правительственному заказу на написание историко-статистических очерков донского казачества видно из следующей цитаты из «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба»: «Что всего удивительнее, статистический комитет, зная о назначении офицеров генерального штаба, производящих военно-статистические работы, непременно, а потом действительными членами статистических комитетов тех губерний, которые ими описываются, ни разу не пригласил нас в свои заседания, и, таким образом, мы лишились возможности время от времени делиться своими исследованиями и проверять их просвещенным содействием членов комитета» (Краснов, 1863: 6-7). Тут следует оговорить, что, по мнению А.А. Волвенко, именно через Донской областной статистический комитет вербовал сторонников А.М. Дондуков-Корсаков, один из важнейших противников радикальных реформ казачества (Volvenko, 2015a: 24). И в дальнейшем, несмотря на внешнее примирение, отношения Н.И. Краснова с местным статистическим комитетом, который, в отсутствие на Дону университетов и научных обществ, был важнейшим интеллектуальным центром Новочеркасска, оставались сложными. Так, члены комитета подвергли уничтожающей критике доклад Н.И. Краснова, прочитанный на заседании 28 июня 1868 г., несмотря на то, что автор интересующих нас книг в это время уже занимал должность начальника отделения в Главном управлении иррегулярных войск (ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1. Л. 30206-30406). Таким образом, Военное Министерство, формируя нужные ему образы казака и казачества в российском обществе, при кажущейся простоте задачи, должно было преодолевать сопротивление большинства казачьих авторов, доказывавших, что казачество вполне благополучно безо всяких реформ, а проправительственные публикации о нем сильно неточны, если не откровенно лживы (Сенюткин, 1866: 93-112).

И в этом отношении значение публикаций Н.И. Краснова трудно переоценить. Создаваемый им образ казака был ориентирован не на внутреннего по отношению к казачеству донского читателя, который не верил правительственному чиновнику априори, но именно на читателя внешнего, российского. И, отстаивая перед этим читателем те идеи о казачестве, которые устраивали Военное Министерство, донской офицер добился ряда локальных, но крайне значимых успехов. Мы позволим себе остановиться подробнее на важнейшем из этих успехов, частично описанном нами в другой статье (Перетяtko, 2015: 227-233). Противники радикальных реформ казачества, донские консерваторы, называемые так же казакоманами, в своей деятельности пытались опереться на деятельность консерваторов российских. Один из них, А.А. Леонов, оппонировав И.И. Краснову, даже поставил эпиграфом к одной из своих статей слова М.Н. Каткова: «Истинно прогрессивное направление должно быть в сущности консервативным, если только оно понимает свое назначение и действительно стремится к своей цели. Чем глубже преобразование, чем решительнее движение, тем крепче должно держаться общество тех начал, на которых оно основано и без которых прогресс обратится в воздушную игру теней. Все, что будет клониться к искоренению какого-нибудь существенного элемента жизни, должно быть противно прогрессивному направлению... Истинным предметом хранения должны быть не формы, а начала, которые в них живут и дают им смысл» (Volvenko, 2015b: 197). Однако представители семейства Красновых доказывали, что основой казакоманства является не столько консерватизм, сколько другие факторы, неприемлемые для российских консерваторов. В 1864 г. Н.И. Краснов опубликовал заметку, в которой характеризовал не только консервативную часть донской интеллигенции, но и сочувствующих ей представителей войсковой администрации как носителей «местного патриотизма» (Перетяtko, 2015: 227-233). Именно эта заметка вызвала дискуссию между крупнейшими столичными журналистами, окончательно сделав невозможным союз донских и российских консерваторов. Как раз М.Н. Катков, столь ценимый донскими казакоманами, обвинил последних в сепаратизме, ставя, фактически, в один ряд с польскими мятежниками, и

ссылаясь на текст Н.И. Краснова (Катков, 1864). Правда, редактору «Московских ведомостей» немедленно возразил М.Е. Салтыков-Щедрин, но едва ли донские консерваторы нуждались в подобном союзнике. Да и причиной выступления М.Е. Салтыкова-Щедрина была далеко не симпатия к политическим взглядам казакоманов: знаменитый сатирик вполне соглашался с той частью статей Н.И. Краснова и М.Н. Каткова, где говорилось о «устарелости и бесполезности некоторых исключительных привилегий, которыми пользуется Земля Войска Донского», но при этом подчеркивал, что борцов за подобные привилегии нельзя считать сепаратистами (Салтыков-Щедрин, 1864). Как мы видим, в результате «идеологической диверсии» Н.И. Краснова донские казакоманы оказались скомпрометированы в глазах как российских консерваторов, так и российских либералов: первые видели в них опасных сепаратистов, а вторые – защитников устарелого порядка вещей. И во второй половине 1860 гг. лидеры казакоманского движения в своих статьях будут жаловаться на непонимание русского общества, подчеркивая, что «донской сепаратизм существовал только в воображении «Московских ведомостей», и одновременно задавая вопрос, «откуда и на основании каких фактов могли возникнуть суждения о донском сепаратизме, о нежелании казаков распространения у них грамотности и о не сочувствии их либеральным реформам нашего правительства?» (Volvenko, 2015b: 203).

Мы можем дать ответ на этот вопрос. Важнейшим источником, формировавшим образ современного казака и казачества в российском обществе 1860 гг., были книги Н.И. Краснова, официально поддерживаемые и распространяемые правительством. Нужно сразу оговорить, что эти книги стали важной вехой в развитии донской науки, и их никак нельзя считать лживыми или чисто публицистическими. Однако, как мы покажем ниже, в них содержались утверждения и о косности казаков, и о нежелании ими либеральных реформ, и, самое главное, о возможности полноценного восстания на Дону.

В наибольшей степени это относится к первым двум книгам Н.И. Краснова, «Материалам для географии и статистики России, собранным офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского» и «Военному обозрению Земли Войска Донского», увидевшим свет в 1863 и 1864 гг. Они позиционировались как две части единого труда, а в анонимном предисловии ко второй из них сообщалось следующее: «Главное Управление Генерального Штаба, издав в свет в 1863 году, для общего сведения, «Статистическое описание Земли Войска Донского», составленное Генерального Штаба штабс-капитаном Красновым, ныне издает, собственно для сведения и употребления Военного Министерства, военных управлений и штабов войск, «Военное обозрение Земли Войска Донского», составленное так же капитаном Красновым, на основании и согласно со «Статистическим описанием» оной (курсив везде наш. Так же обращаем внимание на то, что первая книга Н.И. Краснова названа не вполне точно. – А.П.)» (Краснов, 1864). Таким образом, хотя обе работы донского офицера носили статус официальных изданий Генерального Штаба, первая из них специально предназначалась для знакомства широкой публики с современным состоянием донского края, а вторая распространялась по служебным каналам Военного Министерства. Судя по всему, именно эти книги познакомили российское общество с реальным, а не литературным казачеством. Во всяком случае, младшими современниками Н.И. Краснова им была дана такая характеристика: «Особый строй этой (Донской – А.П.) области, ее исключительная история, а, главное – крайняя скудость литературных о ней сведений заставили Николая Ивановича шире отнестись к своей задаче, и, вместе со специальными сведениями, собрать весьма ценные общие материалы для географии и статистики Земли Войска Донского, которые и были изданы отдельной книгой в 1863 году. <...>. Книга эта тогда же обратила на себя внимание нашего Географического общества, которое еще раньше избрало ее автора в свои члены, и стала с тех пор краеугольным камнем для всех последующих описаний Земли Войска Донского (курсив наш – А.П.)» (Донцы, 2003: 249).

Невнимательному читателю тот образ казака, который создал донской офицер на страницах этих книг, мог показаться исключительно комплементарным. Он не скупился на похвалы при общем описании жителей Дона: «Земля донских казаков представляет одну из тех редких стран, где материальное богатство территории гармонически связано с умственными и физическими способностями населения» (Краснов, 1863: 221); «Храбрость и безграничное самоотвержение всегда сопровождают казачьи полки, лишь бы начальники

умели возбудить эти чувства» (Краснов, 1863: 224); «Целомудрие составляет одно из лучших украшений казаков» (Краснов, 1863: 225). Однако, при переходе к характеристике отдельных сторон донской жизни тон Н.И. Краснова диаметрально менялся, и на место панегирику положительным качествам казаков приходили сетования на то состояние, в котором они находились в начале 1860 гг. из-за архаичности устройства казачьего сословия. Что еще важнее, не снимая вину за это с имперского правительства, Н.И. Краснов высказывал серьезные претензии и к самим казакам, не желающим выходить из подобного состояния.

Вот что, например, писал он о ситуации в донском образовании (как раз здесь встречается мысль о «нежелании казаков распространения у них грамотности»): «При недостаточности средств, образованные люди на Дону не имеют большого веса; *они не находят себе поощрения в обществе*, прав по выходе из университета до последнего времени не получали, а потому и самое образование на Дону в последние пятьдесят лет не только не продвинулось, но и пошло назад (курсив наш – А.П.)» (Краснов, 1863: 229). На этом примере хорошо виден основной метод, который использовался донским офицером для формирования нужных ему образов казака и казачества: не прибегая к откровенной лжи, он часто сгущал краски, и позиционировал свой ответ на дискуссионные вопросы как единственно правильный. Действительно, в начале 1860 гг. на территории Земли Войска Донского функционировала только одна гимназия, открытая в Новочеркасске в далеком 1805 г. (Донскова, 2011). Как и полвека назад, не было университетов, и высшее образование казаки были вынуждены получать в других губерниях (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a: 367-377). Однако оппоненты Н.И. Краснова могли бы противопоставить его утверждениям целый ряд фактов, свидетельствующих о развитии донского образования в десятилетия, предшествовавшие 1860 гг.: так, если в 1830 г. во всех учебных заведениях Земли Войска Донского учился 1 051 человек, то к 1860 г. число учеников выросло до 2 183 (Номикосов, 1884: 575). В 1830-1840 гг. донское дворянство принимало участие в создании Воронежского кадетского корпуса, куда взамен было разрешено зачислять детей из донских дворянских семей (Краснов, 1863: 404-406). Да и «равнодушие» донского общества к образованным людям было, как минимум, вызывает сомнение: уже упоминавшийся нами идейный противник Н.И. Краснова, А.М. Дондуков-Корсаков, напротив, отмечал, что жители Дона всячески желали «распространения средств к образованию молодого казачьего поколения». При этом, если Н.И. Краснов, по сути, подвешивал свой тезис в воздухе, не обосновывая никакими доказательствами, то его оппонент ссылался на факты, напоминая, что «станции, по недостатку мест образования, приговорами своими определяют пожертвования граждан своих с просьбою только открыть у них училища» (Карасев, 1896: 580-581). В ходе работы в архивах нам удалось найти и другие документы, опровергающие утверждения Н.И. Краснова: так, мы выяснили, что при подготовке нового «Положения о управлении Донским войском» станичные депутаты уделяли много внимания перспективам развития образования на Дону, и требовали расширения прав образованных казаков (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017b: 820-825).

В силу ограниченного объема нашей работы мы не можем подробно останавливаться на каждом спорном утверждении Н.И. Краснова. Приведем только несколько примеров, показывающих, что исследователь часто прибегал к описанным в предыдущем абзаце методам. Характеризуя начинающееся расслоение казачества, Н.И. Краснов отмечал, что «богатые казаки имеют больше средств избавиться от воинской повинности, которая тем тяжелее падает на бедных, и, мало по малу, в стране, известной под именем «Дон золотое дно», распространяется пролетариат» (Краснов, 1863: 234). Между тем официальные документы 1860-1870 гг. рисуют совершенно иную картину, картину относительной зажиточности всех казаков: «Благосостояние их (станец – А.П.) находится на степени более чем удовлетворительной; казак живет зажиточно, собственные их постройки, так же как и общественные, в хорошем состоянии; храмы Божии благолепны, вообще нужды в станице не замечается, и нищенство не существует» (Столетие, 1911: 77). Депутаты от станиц в 1863 г. так же отмечали, что, хотя земельные довольствия казаков уже не всегда достигают положенной по закону нормы в 30 десятин, о падении благосостояния казачьих хозяйств говорить пока преждевременно (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 120б-13). В другом месте Н.И. Краснов доказывал, что «население донского края может увеличиться в 5 раз безо всякого отягощения», ссылаясь исключительно на собственное мнение о достаточности двухдесятичного надела на

душу населения, из чего следовал вывод о недостаточной населенности Дона (Краснов, 1863: 232). И в результате тот позитивный образ казака, который формировали общие описания донского писателя, затем оказывался оттенен множеством конкретных проблем и недостатков в сословном устройстве казачества, преувеличенных Н.И. Красновым.

Фактически, и в «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» и в «Военном обозрении Земли Войска Донского» 1864 г. издания донское казачество как сословие предстает недееспособным социальным институтом, чьи устаревшие формы только мешали казакам. Н.И. Краснов подчеркивал, что «при настоящих условиях жизни донских казаков, промышленность у них развивается очень медленно, образование в упадке, а, вместе с тем, донские жители не пользуются теми дарами, которыми природа наделила их с такой щедростью» (Краснов, 1863: 234). Не лучше обстояли дела и в торговле. Донской писатель обвинял организацию торговых казаков в том, что ее члены, «не обеспеченные в своих правах и занятиях, стесненные в своих действиях» вынужденно «распространяют дороговизну в Новочеркасске, где жизнь стала так же дорога, как в столицах и в соседних торговых городах Ростове и Таганроге» (Краснов, 1863: 232). Даже со своими военными функциями донское казачество, по мнению Н.И. Краснова, больше не справлялось. «Не раз было высказано мнение, что после славных войн в начале настоящего столетия, а, главное, по мере обеспечения границ донских от нападения неприязненных соседей, казаки как-то освоились и утратили свой воинственный дух. В мнении этом есть доля правды, и оно очевидно доказывается при наряде наших казаков на службу: почти две трети идет малолетков. Взгляните, как они подготовлены к военной службе, и вы не поверите, что это внуки дедов, стяжавших такую громкую славу: и тени нет того удалства, которое слилось с именем казака. Оружие плохое, наполовину почти негодное, обмундировка плохая, и лошадки-то у многих годятся лишь только в борону, да часто и выпрягаются из бороны под царского слугу, которому через несколько месяцев придется идти в атаку на таком «меринке» (Краснов, 1864: 228). Наконец, как считал Н.И. Краснов, и в финансовом отношении донское казачество было крайне невыгодно для государства: регулярные войска якобы обошлись бы куда дешевле (Краснов, 1864: 237)!

Прежде чем перейти к причинам, по которым Н.И. Краснов связывал все эти проблемы с сословным институтом казачества, есть смысл показать на конкретных примерах, как донской автор, не снимая ответственности с имперской власти, много десятилетий избегавшей реформ этого института, критиковал и самих казаков, привыкших к существующему устройству и не желающих меняться. Мы неоднократно приводили в других своих статьях отрывки из его работ, в которых говорилось, что использовать новые методы сельского хозяйства станичники не хотели, даже если имели подобную возможность (Peretyatko, 2017a: 941-942). Между тем та ситуация в хозяйственной жизни Дона, которая, по мнению казачьего офицера, сложилась к началу 1860 гг., была самой безрадостной, и нуждалась в серьезных усовершенствованиях, в том числе и идущих снизу. «На едва вспаханной земле казак сеет хлеб довольно редко (около 6 мер пшеницы и 7 мер ржи на экономическую десятину), рассчитывая на урожай только в дождливые годы. При хорошей же запашке и густом сеянии, казаки могли бы получать достаточные урожаи; но они едва превышают сам-третьей и много сам-четверть, а в сухие годы казаки даже теряют посеянное зерно» (Краснов, 1864: 112). Еще ярче позиция Н.И. Краснова проявлялась при описании падения боеспособности казачьих частей. Офицер открыто заявлял, что «было бы несправедливо обвинять в том (падении – А.П.) войсковое начальство» (Краснов, 1864: 228). По его мнению, сами казаки «по неимению средств приобретали все, что подешевле», а затем подобная экономия, разумеется, мешала им должным образом проявить себя в строю (Краснов, 1864: 228). Таким образом, как бы положительно не отзывался Н.И. Краснов о донских казаках, из его книг начала 1860 гг. следовало, что от них самих инициативы в деле реформ ждать бессмысленно, и преобразования казачества должны идти сверху.

Соответственно, казачьи консерваторы, казакоманы, выступали в ранних книгах Н.И. Краснова в качестве представителей воли донского большинства. Первоначально он подвергал своих оппонентов безжалостной критике, не проявляя не малейшей терпимости к их идеям. В «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» донской писатель предлагал просто игнорировать их мнение, утверждая, что в его защиту нельзя привести никаких рациональных доводов, за

исключением «желания всех коммунистов – *равномерного распределения угодий между членами известной ассоциации* (курсив авторский – А.П.)» (Краснов, 1863: 232). Это обвинение в «коммунизме», в условиях начала 1860 гг., вообще было откровенным политическим доносом. Но уже в «Военном обозрении Земли Войска Донского» 1864 г. Н.И. Краснов серьезно изменил свою позицию. Теперь, ссылаясь на историю булавинского бунта, он доказывал, что «ни один народ не расстанется равнодушно с своими правами, обычаями и особенностями, а тем более с правами и привилегиями, в случае же насильного их уничтожения оказывает сопротивление, берется за оружие, не дорожит жизнью и имуществом своим и уступает только огромному превосходству силы своего противника» (Краснов, 1864: 210-211). А донские казаки, хотя и «выказывали неограниченную преданность и любовь, подходящие до самопожертвования, как в отношении русских государей, так и в отношении России» (Краснов, 1864: 210), в то же время считали «святыми и неприкосновенными» свои «права и преимущества (Краснов, 1864: 211). И в этих «правах и преимуществах», при всей их невыгоде и для Российской империи, и для не понимающих этой невыгоды жителей Дона, можно было все же усмотреть нечто хорошее, поскольку они «доставили, по крайней мере, донскому казачеству, благоденствие большее того, которое имеют крестьяне» (Краснов, 1864: 210). И поэтому выходило вполне логичным, что «казацкая партия с подозрительностью смотрит на все преобразования и полагает, что с уменьшением воинской повинности уничтожатся поземельные и другие права казаков, а потому предпочитает status quo каким бы то ни было преобразованиям» (Краснов, 1864: 212). Соответственно, правительству, начиная реформы сверху, следовало сохранить в неприкосновенности привилегии казаков, чтобы избежать бунта на Дону.

Что же придавало Н.И. Краснову уверенность в успехе предстоящих реформ? Дело в том, что его главные претензии к казачеству как к сословию были не ситуационными, а сущностными, базировались не столько на конкретных наблюдениях, сколько на теоретических взглядах. При всей оригинальности изложенных выше идей Н.И. Краснова, его главным вкладом в историю образов казака и казачества было четко сформулированное противопоставление «казака-воина» «казаку-гражданину». По мнению донского офицера, эти социальные роли были взаимоисключающими, а современный ему институт казачества требовал от казаков исполнять их одновременно. В «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» он писал на эту тему: «Донские казаки со времени Булавинского восстания находятся в переходном состоянии: ни правление Войсковой канцелярии, под руководством князя Потемкина, ни войсковое положение, изданное в 1835 году не выяснило настоящих требований от казака-гражданина, от воина-поселянина» (Краснов, 1863: 235). В «Военном обозрении Земли Войска Донского» Н.И. Краснов высказывался еще определеннее: «*Одно из двух: казачеству должно дать направление или чисто-гражданское, или чисто-военное, то есть без постоянной льготы* (курсив наш – А.П.)» (Краснов, 1864: 229). Соответственно, основной проблемой казачьего сословия начала 1860 гг., в интерпретации Н.И. Краснова, было то, что казак, вынужденный совмещать несовместимые социальные роли, неизбежно терпел поражение, и обычно одинаково плохо, как видно из приведенных выше примеров, и запахивал землю, и нес военную службу. Н.И. Краснов надеялся, что, если грядущие реформы и не придадут донскому казачеству одно, «чисто-гражданское» или «чисто-военное» направление, то, по крайней мере, в их результате каждый казак сможет сам выбирать, быть ему «воином» или «гражданином», нести военную службу, не отвлекаясь на домашнее хозяйство, или «прилагать труд» к своей земле, не отлучаясь на долгие годы в армию. Исходя из этого, принципиальным для проведения реформ Н.И. Краснов считал решение всего двух вопросов: «о приеме иногородних, как граждан Войска Донского» и «об изменении воинской повинности казаков» (Краснов, 1863: 231). По мнению будущего генерала, для того, чтобы донские казаки могли выбирать между ролями «воинов» и «граждан», следовало либо «заменить настоящую воинскую повинность казаков другою системою», либо «уменьшить казакам срок службы, оставив им при этом поземельное довольствие в 30 десятин» (Очевидно, Н.И. Краснов предполагал, что после краткого срока службы «казаки-граждане» вернуться в станицы, а «казаки-воины» продолжат службу уже на иных основаниях). После этого выбравшим гражданское поприще донцам помогли бы привести край к процветанию иногородние, которые «могли бы своими капиталами разработать те

дары природы, которые в земле донских казаков столько времени не имеют движения» (Краснов, 1863: 231). И, таким образом, все основные проблемы Дона оказались бы решены.

А правительственный проект реформ начала 1860 г. действительно соответствовал основным идеям Н.И. Краснова. В «Военном обозрении Земли Войска Донского» 1864 г. статистик даже уделил этому проекту особое внимание, неоднократно подчеркнув, что его реализация решит основные проблемы казачества. И не удивительно: авторы этого проекта считали наиболее важным для будущего казачества решение тех же двух вопросов, что и Н.И. Краснов, правда, добавив к ним еще два. Они считали необходимым избавиться не только от «обязанности нести определенное число лет полевую и внутреннюю казачью службу», «препятствующей развитию в казачьих населенных общественных сословиях» и от «запрещения иногородним заводить на войсковой земле постоянную оседлость», которое мешало «водворению в войсках капиталистов и оживлению в крае торговли и промышленности», но и от «воспрещения выхода из казачьего сословия», «лишающего казаков права избирать себе место жительства по своему усмотрению» и от «общинного владения землею», «одного из главнейших препятствий к развитию земледелия и вообще сельского хозяйства» (Краснов, 1864: 198). «Вывести казачьи войска из ложного положения» «исключительно военного сословия» предполагалось, тоже в полном соответствии с идеями Н.И. Краснова, изменив систему военной службы. Правительственный проект предусматривал «ограничение численности военного сословия, определенного нормою, с тем, чтобы избыток казачьего населения был освобожден от обязательной службы даже в чрезвычайных случаях, и, оставаясь в числе граждан своего края, мог свободно обратиться к другим занятиям» (Краснов, 1864: 199). Н.И. Краснова настолько устраивал подобный вариант, что он фактически дословно воспроизвел текст правительственных «Соображений учрежденного при Управлении иррегулярных войск комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках», не беря его в кавычки, и, очевидно, полностью солидаризируясь с ним (Волвенко, 2016: 69).

Однако, Н.И. Краснов все же не был вполне удовлетворен правительственным проектом. Дело в том, что некоторые его пункты свидетельствовали о правоте казакоманов, опасавшихся, что за облегчением военной службы последует и ограничение привилегий казачества. Фактически, таких пункта было всего два, но они носили принципиальный характер, и поэтому мы приведем их целиком. Первый из них был сформулирован следующим образом: «Допустив вступление в казачье гражданство людей посторонних, правительство не могло бы освободить от рекрутской повинности и подушной подати тех из них, которые причисляются к казачьим населенным не для несения казачьей воинской службы, и будут подлежать отправлению означенных повинностей» (Краснов, 1864: 207). Таким образом, Военное Министерство рассчитывало, что оно продолжит получать обычный набор повинностей с тех людей, которые вступили в казачье сословие, но при этом попали в «избыток населения», освобожденный от службы. Между тем, как подчеркивал донской статистик, «подушная подать и рекрутская повинность известны казакам с одной дурной стороны», и поэтому их распространение даже на небольшую часть казачества было бы воспринято на Дону крайне негативно (Краснов, 1864: 207). Еще большее недовольство у будущего генерала вызвал второй из отмеченных нами пунктов: «Общественные (станичные – А.П.) земли должны быть в таком количестве, какое необходимо для наделов и в запас по действительному числу служащих и выслуживших положенный срок службы генералов, штаб- и обер-офицеров и казаков, хотя бы это число и значительно превышало штатный состав войск» (Краснов, 1864: 207). Иными словами, после освобождения части казаков от обязательной службы, правительство предполагало исходить при определении размеров станичных юртов не из общей численности проживающих в них казаков, но из численности казаков, согласившихся на несение военной службы. Однако реализация этого пункта немедленно привела бы к неожиданным последствиям. «Действительное число служащих казаков и выслуживших положенный срок не составляет и половины казачьих населений, значит – вместо прибавки земли по настоящему казачьему населению, «проект преобразований» имеет в виду уменьшить на половину настоящий земельный надел, что, разумеется, вызовет затаенный ропот неудовольствия у казаков» (Краснов, 1864: 207-208). Н.И. Краснов категорически возражал против такого развития событий, доказывая, что

правительственные реформы должны быть направлены во благо, а не во вред донскому казачеству, и, следовательно, не могут серьезно ухудшать его положение. Оппонируя уже не казакоманам, а Военному Министерству, он писал: «Если вопрос состоит только в том, чтобы уволить часть казачьего населения от военной повинности, то следует это сделать, не стесняя прав и привилегий казачьего населения, и главнейшего из прав – поземельной собственности» (Краснов, 1864: 204).

Как мы видим, близость идей Н.И. Краснова и Военного Министерства нельзя считать абсолютной, и, возможно, в другое время, имея более широкий выбор авторов, Генеральный Штаб не выпустил бы его книг в своей серии. Дело было даже не в отмеченных выше попытках поспорить с правительственным проектом реформ: Н.И. Краснов, внезапно встав здесь на сторону казакоманов, в итоге вообще потребовал его полноценной переработки. Мы снова позволим себе обширную выписку на эту тему, которая представляется нам крайне важной: «Из представленного нами обзора «преобразований», хотя и не видно, чтобы правительство желало нарушить права казаков, однакож нельзя не согласиться, что предоставление казакам свободного труда без сохранения права на землю, хотя и найдет себе приверженцев, но весьма мало; в нем естественно будут нуждаться торговый, промышленный и более образованный классы казачьего населения; низший же класс, по преимуществу занятый земледелием и скотоводством, едва ли увлечется предложением освобождения от воинской повинности без сохранения поземельной собственности, тем более, что, в замен уменьшения воинской повинности, на потомство казаков возлагаются *подушная* и *рекрутская повинности* (курсив автора – А.П.)» (Краснов, 1864: 212). Тем не менее, Н.И. Краснов продолжал считать необходимыми радикальные реформы казачества, только теперь, исходя из неудачного опыта, он призывал, чтобы были созданы «такие законоположения», которые, оставаясь в русле предложенной Д.А. Милютиним политики, еще и «сохраняли права и преимущества донских обществ». Н.И. Краснов надеялся, что, раз Военное Министерство не смогло выработать подобных законоположений, этим будет разрешено заняться местному кодификационному комитету, «которому предварительно дадут выборное начало», чтобы он смог выработать наилучшее для донских казаков новое законодательство (Краснов, 1864: 212).

Нам остается констатировать, что книги Н.И. Краснова начала 1860 гг. во многом заложили основу для того образа казака, который создавался позднейшим авторами, но при этом они рисовали совершенно уникальный для официальных изданий Российской империи образ казачества. Важнее всего то, что этот образ носил почти исключительно негативный характер: боевая ценность казачьих частей была поставлена Н.И. Красновым под сомнение, а стоимость содержания однозначно признана неадекватно высокой; в гражданской же жизни сословные институты казачества позиционировались донским автором как главный тормоз для нормального развития донского региона. Но в условиях начала 1860 гг. именно такой образ казачества играл на руку Военному Министерству, которое планировало начать масштабные реформы казачьих войск. Раз казачье сословие было не способно выполнять свои традиционные воинские обязанности, а его социальные институты безнадежно устарели, имперскому правительству надлежало немедленно приступить к самым решительным преобразованиям, предоставив, наконец, казакам возможность «прилагать труд» к своей земле и дав им шанс обратиться в «граждан».

Однако высшие власти все-таки не решились на этот шаг, пойдя по более традиционному, компромиссному пути. В 1863 г. новой высочайшей грамотой были подтверждены существующие привилегии Войска Донского, а начатые затем реформы, хотя и противоречили многим казачьим традициям, все же не предусматривали немедленного массового обращения казаков из «воинов» в «граждан», хотя некоторые шаги в этом направлении и были сделаны (Волвенко, 2014а: 12-20; Волвенко, 2014б: 382-391). Соответственно, образ казачества, нарисованный Н.И. Красновым в начале 1860 гг., уже никак не мог удовлетворять Военное Министерство к концу этого десятилетия. Какой смысл был в проводимых им локальных, ограниченных реформах, если устарела сама система сословной организации казачьего сословия? Не логичнее было бы уничтожить ее, а не пытаться модернизировать? Подобные настроения сохранялись в российском обществе, как минимум, до 1870 гг. Так, например, министр внутренних дел Российской империи А.Е. Тимашев писал в 1874 или 1875 гг., выступая против военной реформы донского казачества: «Казаки пользуются громадными

привилегиями, сравнительно с остальным населением Империи. Если привилегии эти имели некоторое основание в прежнее время, когда одно казачье население было обязано всеобщей воинской повинностью, то в настоящее время, когда таковая же повинность распространена на все население Империи, вышеозначенные привилегии не должны бы иметь места» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 1). Однако теперь чиновники Военного Министерства уже не считали положение казачества «ложным». Напротив, они отвечали А.Е. Тимашеву следующим образом: «Соображения, изложенные в первом пункте, высказывались уже не раз, вследствие недостаточной общеизвестности размера всех лежащих на казаках повинностей, и обусловленного этим одностороннего взгляда на экономическое положение казачьих войск» (курсив наш – А.П.) (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 1). Итак, теперь следовало доказать прямо противоположное тому, что доказывалось ранее, внушить обществу иной образ казачества, образ социальной структуры, которая продолжает успешно функционировать в социальных и военных условиях второй половины XIX в. И можно усмотреть определенную иронию в том, что исполнителем этого правительственного заказа стал все тот же Н.И. Краснов.

В 1870 г. донской офицер выпустил новую книгу, получившую уже не новое заглавие «Военное обозрение Земли Войска Донского». Трудно сказать, специально ли Н.И. Краснов так назвал свой новый текст, но создать путаницу у будущих исследователей ему удалось: и современниками, и позднейшими историками донской статистик обычно позиционировался как автор двух важнейших книг, «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» и в «Военного обозрения Земли Войска Донского», причем о том, что второй из этих трудов существовал в двух вариантах, не упоминалось (Королев, 1991: 237). Важнейшей причиной этой путаницы стало то, что сам Н.И. Краснов в предисловии к новому тексту ни словом не отметил, что всего шесть лет назад выпустил другую книгу с таким же названием (Краснов, 1870: I-IV). Тем не менее, нельзя сказать, чтобы в новом произведении донского офицера ничего не напоминало о старых идеях: напротив, он дословно воспроизводил некоторые абзацы «Военного обозрения Земли Войска Донского» 1864 г., да и от многих прежде высказанных мнений донской статистик не торопился отказываться. Однако теперь он включал их в совершенно другой контекст.

Так, Н.И. Краснов не стал принципиально корректировать созданный им образ казака, и по-прежнему основывал его на жестком противопоставлении «казака-гражданина» и «казака-воина». Именно в 1870 г. ему удалось наиболее емко сформулировать эту свою мысль. «Казак, в настоящем его значении, есть воин-поселянин, обязанный за поземельный надел быть постоянно готовым к выступлению в поход. На нем постоянно лежат две обязанности: *гражданина*, заботящегося о средствах к своему и своего семейства существования, и *воина*, которого ремесло редко может принести пользу в хозяйстве. Противоположность этих двух занятий неминуемо должна отразиться на казаке, и, чем материальное положение его на родине выше, тем менее оно будет годно к военной службе (курсив автора – А.П.)» (Краснов, 1870: XIII). Однако теперь офицер не делал из этого противопоставления далеко идущих выводов, не объявлял традиционные казачьи сословные институты устаревшими из-за их смешанной, военно-гражданской природы, и, соответственно, не требовал радикально реформировать донское казачество. Приведём пример, который кажется нам наиболее характерным. Н.И. Краснов писал в своей новой книге: «К этим замечаниям прибавим еще одно весьма важное, по поводу упадка воинского духа; казаки 1812-1815 годов воспитывались в войнах конца XVII и начала XIX столетия, тогда как выступившие в поход в войну 1854-1856 г. могли участвовать в весьма непродолжительном венгерском походе и только старослуживые успели побывать в войне 1831 года» (Краснов, 1870: XV). Это почти дословное воспроизведение текста 1864 г. (слегка изменены пунктуация и вместо слова «старики» использовано «старослуживые») (Краснов, 1864: 229). Но донской офицер оборвал цитату на очень важном месте, там, где следовал переход к мысли, которую мы уже приводили выше, мысли о исторической обреченности казачества в его существующих на начало 1860 гг. смешанных формах: «Только одна война может воспитать хорошего воина, особенно для казачьей службы, требующей необыкновенной сметливости и личных способностей, естественно развивающихся от долгой практики. Одно из двух: казачеству должно дать направление или чисто-

гражданское, или чисто-военное, то есть без постоянной льготы; в последнем случае незачем иметь громадную массу регулярной кавалерии (курсив наш – А.П.)» (Краснов, 1864: 229). И в итоге обоснование принципиальной неэффективности существующей системы казачьей службы превратилось в оправдание не видевших серьезных войн казаков! Были убраны и наиболее вопиющие примеры неэффективности казачьего сословия, доказывающие необходимость его реформы безо всякого теоретического обоснования. Так, хотя Н.И. Краснов, описывая упадок боеспособности казачьих частей в последние десятилетия, активно использовал текст из «Военного обозрения Земли Войска Донского» 1864 г., наиболее острые выпады в адрес казачьих полков, некоторые из которых приводились нами выше, оказались сняты (Краснов, 1870: X-XV).

В результате Н.И. Краснову удалось создать вместо прежнего, чисто негативного образа казачества, образ неоднозначный и проблемный. Многие негативные в общероссийском контексте черты донского казачества были даже не смягчены, а полностью убраны Н.И. Красновым по сравнению с его книгами начала 1860 гг. (в частности, вовсе исчез раздел «Взгляд на отношение жителей к правительству», где рассматривалась возможность казачьего бунта (Краснов, 1864: 210-213)). Соответственно, теперь проблемы казачества позиционировались как сложные, но все же решаемые без полной перестройки казачьего сословия, а преобразования, уже начатые Военным Министерством, рассматривались в качестве точечных реформ, четко ориентированных на решение этих проблем. В частности, Н.И. Краснов утверждал, что несмотря на не снимаемое противоречие ролей «казака-воина» и «казака-гражданина», боеспособность казачьих частей возможно существенно поднять, и правительственные преобразования вполне справляются с этой задачей (Краснов, 1870: XVI). Если в 1864 г. донской статистик акцентировал внимание на том, что многие станичники, попав необученными в полевые полки «могут быть полезны только на третьем году, по истечении которого они распускаются» (Краснов, 1864: 229), то в 1870 г. он, напротив, подчеркивал достоинства молодых казаков, которые теперь, после введения донского обучения «не только с охотой собираются на учения, но и очень быстро усваивают требуемые от казаков воинские упражнения, и с большим искусством стреляют в цель, так, что в этом последнем отношении далеко опережают не только регулярную пехоту вообще, но и стрелковые ее части» (Краснов, 1870: XVI-XVII).

Правда, новый красновский образ казачества почти не был детализирован. В новой книге донской статистик сконцентрировал основное внимание на проблемах казаков, связанных с военной службой, и на военных реформах казачества. На первый взгляд, это может показаться логичным, учитывая название данной книги и ее направленность на офицерскую аудиторию. Однако в 1864 г. Н.И. Краснов включил в свою книгу с тем же названием обширные разделы о экономическом состоянии Земли Войска Донского и предполагаемых гражданских преобразованиях (Краснов, 1864: 44-162; 196-213). Кроме того, в новой работе Н.И. Краснов сильно сократил объем авторских обобщений и анализа, а так же избегал высказываться по дискуссионным вопросам. Это особенно заметно именно в тех местах, где он дословно цитировал свои прежние тексты, делая из них важные изъятия. Так, он использовал в новой книге некоторые предложения именно из того абзаца «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба», откуда мы приводили следующую цитату «При недостаточности средств, образованные люди на Дону не имеют большого веса; они не находят себе поощрения в обществе, прав по выходе из университета до последнего времени не получали, а потому и самое образование на Дону в последние пятьдесят лет не только не подвинулось, но и пошло назад» (Краснов, 1863: 229). Однако как раз это предложение, содержащее не подкрепленные статистическим материалом наблюдения и спорный вывод из них, оказалось выброшено донским статистиком (Краснов, 1870: 53)!

И в итоге экономические проблемы, столь важные для образов казака и казачества, созданных в ранних работах Н.И. Краснова, в новой книге преподносились читателям весьма дозированно. Полностью исчезли утверждения о взаимосвязи между этими проблемами и архаичным, не соответствующим современным реалиям, сословным устройством казачества. Не упоминалось о идейной борьбе сторонников реформ с казакоманами. На смену острой критике экономического положения, сложившегося на Дону, с предложением вариантов выхода из этого положения, пришла простая констатация

экономических проблем региона. Исчезло и намеренное преувеличение, откровенное сгущение красок. Это ярко демонстрирует еще один характерный пример «обрубленных цитат». В 1863 г. Н.И. Краснов писал: «Дурно запаханная земля, молотья лошадьми, плохая очистка хлеба суть причины, уменьшающие ценность казачьего хлеба, идущего в продажу. Нередко казаки получают за свою пшеницу вдвое меньше помещиков» (Краснов, 1863: 250). Этот же отрывок он почти дословно воспроизводил в 1870 г. (поменялись только знаки препинания) (Краснов, 1870: 143). Однако продолжения одной и той же фразы в разных книгах донского статистика и в этом случае различались диаметрально. В «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба», формируя негативный образ казачества, он делал из изложенного следующий вывод: «Только развитие образованности, знакомство с началами сельского хозяйства на школьных скамьях могут побудить казаков принять улучшенные методы агрономии; ни пример помещиков, ни огромные барыши, получаемые купцами-арендаторами, не могли до сих пор изменить у казаков их системы земледелия. В бытность нашу в станице Луганской, лежащей в 18 верстах от Луганского литейного завода, мы не нашли у казаков никаких усовершенствованных орудий для земледелия» (Краснов, 1863: 250). А в «Военном обозрении Земли Донского Войска» 1870 г. этот вывод поменялся на совершенно иной: «Они (казаки – А.П.) имеют его (хлеб – А.П.) в количестве, достаточном для собственного прокормления, с необходимыми запасами на случай неурожая и для посевов, но собственно в торговлю идет преимущественно хлеб помещиков, ныне землевладельцев» (Краснов, 1870: 143). Таким образом, Н.И. Краснов не умалчивал о реальных проблемах казачества, но они заметно теряли масштаб, и казачество предстало перед читателями в чем-то устарелым, но вполне еще эффективным институтом, который можно было улучшить локальными реформами, не перестраивая его целиком.

4. Заключение

Творчество Н.И. Краснова было этапным для знакомства российской общественности с образами казака и казачества. Созданные им книги были первыми серьезными опубликованными историко-статистическими описаниями Войска Донского и входили в число первых научных исследований казачьих войск. В то же время они были далеки от объективности, и служили не только научным задачам, но и обоснованию правительственной политики 1860 гг. по отношению к казачеству.

В это время лично военный министр Д.А. Милютин писал: «не должно забывать, что казачьи территории — не военные лагеря, но части государства, имеющие полное право пользоваться благами гражданского и экономического развития, наравне с другими частями Империи» (Милютин, 1999: 262-263). Военное Министерство планировало проведение системных реформ казачества, направленных именно на «развитие гражданственности». И Н.И. Краснов выступил с концепцией двух социальных ролей казака, ролей «казака-воина» и «казака-гражданина». В своих ранних работах он доказывал, что эти роли не совместимы в принципе, и основной проблемой сословного устройства казачества является именно то, что казаков пытаются заставить нести обе этих роли одновременно, быть одновременно и «воинами», и «гражданами». В результате, как считал донской статистик, казаки были и плохими воинами, и плохими гражданами, а само существование казачества как сословия в его сложившихся формах было невыгодно государству. Н.И. Краснов призывал в дальнейшей перспективе четко определить предназначение казачества сверху, сделав его либо чисто военным, либо чисто гражданским, а пока хотя бы дать казакам выбирать одну роль, полностью освобождая их от другой. Позже офицер несколько отошел от своих взглядов: он по-прежнему считал, что роли «воинов» и «граждан» плохо сочетаются, однако полагал возможным разрешить эту проблему с помощью ограниченных реформ сословного устройства казачества.

Таким образом, ранние работы Н.И. Краснова формировали едва ли не уникальный для официальных текстов Российской империи негативный образ казачества. В конкретных условиях 1860 гг. их существование было очень выгодно для правительства: Н.И. Краснов сумел выставить донских консерваторов, казакоманов, людьми, не заслуживающими поддержки в глазах российского общества. С другой стороны, он наглядно продемонстрировал важность проведения именно гражданских реформ казачества. Но с нашей точки зрения важнее то, что

Н.И. Краснов защищал право казаков быть «гражданами», а не «воинами», то есть избрать в жизни путь, вовсе не связанный с военной службой. Однако по мере отказа Военного Министерства от серьезных реформ подобный подход быстро утратил свою востребованность, и уже в 1870 гг. не встречался в официальных текстах.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-39-00009.

Литература

Волвенко, 2006 – Волвенко А.А. Образ донского казачества в русской периодической печати начала 60-х гг. XIX века // *Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Гуманитарные науки в современном мире»*. 2006. № 2. С. 78-88.

Волвенко, 2014a – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860-1870 гг.) // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. Т. 16. №3. 2014. С. 12-20.

Волвенко, 2014b – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860-1870 гг.) Часть 2 // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. Т. 16. №3 (2). 2014. С. 382-391.

Волвенко, 2016 – Волвенко А.А. Концепция войскового (неслужилого) гражданина: замыслы и практика (1860–1870-ые гг.) // *Primo Aspectu*. 2016. № 4 (28). С. 68-71.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Гоголь, 1968a – Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М., 1968. С. 59-274.

Гоголь 1968b – Гоголь Н.В. Миргород // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М., 1968. С. 275-502.

Дон, 1879 – Дон и донцы в прежнее и настоящее время (из дорожных записок кавказского офицера). 1877 г. // *Русская старина*. 1879. Т. 25. С. 173-188.

Донскова, 2011 – Донскова Н.В. Становление системы народного образования в Области Войска Донского и на Верхнем Дону в XVIII – начале XX вв. // *Relga. Научно-культурологический журнал*. 2011. № 19. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3056&level1=main&level2=articles>

Донцы, 2003 – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.

Карасев, 1896 – Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // *Русский архив*, 1896. Кн. 12. С. 569-591.

Катков, 1864 – Катков М.Н. Донской сепаратизм // *Московские ведомости*. 1864. № 89.

Королев, 1991 – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.

Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.

Краснов, 1864 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб, 1864. 352 с.

Краснов, 1870 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870. 288 с.

Милютин, 1999 – Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862. М., 1999. 559 с.

Морозова, 2011 – Морозова О.М. Царь, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-на-Дону, 2011. 276 с.

Номикосов, 1884 – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.

Перетяцько, 2014 – Перетяцько А.Ю. Военная организация и военное управление Области войска Донского во второй половине XIX века. Ростов-на-Дону, 2014. 236 с.

Перетяцько, 2015 – Перетяцько А.Ю. Донской сепаратизм 1860 гг.: мифы, реальность и влияние на правительственную политику // *Проблемы полиэтничного макрорегиона в*

условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья. Ростов-на-Дону, 2015. С. 227-233.

Потапова, 2013 – Потапова Н.К. Лермонтов и казачество // *Тарханский вестник*. 2013. № 26. С. 71-85.

Пушкин, 1962 – Пушкин А.С. История Пугачева. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. VII. М., 1962. С. 7-150.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Рыблова, 2009 – Рыблова М.А. Казак и казачка: типичные образы в традиционной культуре донских казаков // *Дикаревские чтения-XIV*. [Электронный ресурс]. URL: <http://ryblova.ru/stati/obychai-i-obrjady/kazak-i-kazachka-tipichnye-obrazy-v-traditsionnoj-kulture-donskih-kazakov>

Салтыков-Щедрин, 1864 – *Салтыков-Щедрин М.Е.* Литературные мелочи // *Современник*. 1864. № 5.

Сенюткин, 1866 – *Сенюткин М.Х.* Донцы. Ч. 2. М., 1866. 282 с.

Статистическое описание, 1879 – Статистическое описание Сибирского казачьего войска // *Русский инвалид*. 1879. № 229. С. 3-4.

Список, 1891 – Список генералам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1891 г. СПб., 1891. 907 с.

Столетие, 1911 – Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.4. СПб., 1911. 462 с.

Peretyatko, 2017a – *Peretyatko A.Y.* "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3, pp. 937-948.

Peretyatko, 2017b – *Peretyatko A.Y.* "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part II // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46. Is. 4, pp. 1401-1415.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a – *Peretyatko A. Y., Zulfugarzade T.E.* Higher and Secondary Education of the Don Cossacks in the Context of the Epoch: the Time of the Great Reforms // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(2), pp. 367-377.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017b – *Peretyatko A. Y., Zulfugarzade T.E.* Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(4), pp. 817-829.

Volvenko, 2015a – *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // *Russkaya Starina*. 2015. Vol.13. Is. 1, pp. 19-37.

Volvenko, 2015b – *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // *Russkaya Starina*. 2015. Vol.(15). Is. 3, pp. 194-207.

References

Volvenko, 2006 – *Volvenko A.A.* Obraz donskogo kazachestva v russkoi periodicheskoi pechati nachala 60-kh gg. XIX veka [The image of the Don Cossacks in the Russian periodical press of the early 60's. XIX century]. *Izvestiya TSURE. Thematic issue «Humanitarian sciences in the modern world»*. № 2, pp. 78-88 [in Russian].

Volvenko, 2014a – *Volvenko A.A.* (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860-1870s)]. *Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences*. Vol. 16. Is.3. pp. 12-20. [in Russian].

Volvenko, 2014b – *Volvenko A.A.* (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody) Chast' 2 [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860-1870s) Part 2]. *Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences*. Vol. 16. Is. 3(2), pp. 382-391 [in Russian].

Volvenko, 2016 – *Volvenko A.A.* (2016). Konceptija vojskovogo (nesluzhilogo) grazhdanina: zamysly i praktika (1860–1870-ye gg.) [Concept of the army (nesluzhilogo) citizen: plan and practice (THE 1860–1870TH)]. *Primo Aspectu*. № 4 (28), pp. 68–71. [in Russian]

GARO – State archive of the Rostov region (GARO).

Gogol', 1968a – *Gogol' N.V.* (1968). Vechera na khutore bliz Dikan'ki [Evenings on a Farm Near Dikanka]. Collected works: in 4 volumes. Vol. I. M., pp. 59-274. [in Russian]

- Gogol' 1968b** – *Gogol' N.V.* (1968). Mirgorod [Myrhorod]. Collected works: in 4 volumes. Vol. I. M., pp. 275-502. [in Russian]
- Don, 1879** – Don i dontsy v prezhnee i nastoyashchee vremya (iz dorozhnykh zapisok kavkazskogo ofitsera). 1877 g. [Don and Don Cossacks in the past and present (from the road notes of an officer of Caucasian army). 1877]. *Russkaya starina*. 1879. Vol. 25, pp. 173-188. [in Russian]
- Donskova, 2011** – *Donskova N.V.* (2011). The formation of the public education system in the Don Host Oblast and in the Upper Don region in XVIII – early XX centuries. *Relga. Scientific and cultural journal*. 2011. № 19. [Digital source]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3056&level1=main&level2=articles> [in Russian]
- Doncy, 2003** – Doncy XIX veka [Don Cossack of the nineteenth century]. Rostov-on-Don, 2003. P. 599. [in Russian]
- Karasev, 1896** – *Karasev A.A.* (1896). Zapiska knjazja A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Vojska Donskogo [The note by the Prince A. M. Dondukov-Korsakov about Don Host Oblast] // *Russkii arkhiv*. Vol. 12, pp. 569-591. [in Russian]
- Katkov, 1864** – *Katkov M.N.* (1864). Donskoi separatizm [Don separatism]. *Moskovskiye Vedomosti*. № 89. [in Russian]
- Korolev, 1991** – *Korolev V.N.* (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don, P. 464. [in Russian]
- Krasnov, 1863** – *Krasnov N.I.* (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb., P. 596. [in Russian]
- Krasnov, 1864** – *Krasnov N.I.* (1864). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Vojska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb., P. 352. [in Russian]
- Krasnov, 1870** – *Krasnov N.I.* (1870). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Vojska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb., P. 290. [in Russian]
- Miljutin, 1999** – *Miljutin D.A.* (1999). Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1860-1862 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860-1862]. M., 1999. P. 559. [in Russian]
- Morozova, 2011** – *Morozova O.M.* (2011). Tsar', kazaki, krasnye komandiry... Sem' ocherkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta [Tsar, Cossacks, Red Commanders ... Seven sketches in the genre of historical and psychological portrait]. Rostov-on-Don, P. 276. [in Russian]
- Nomikosov, 1884** – *Nomikosov S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Vojska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk, 1P. 774 [in Russian].
- Peretyatko, 2014** – *Peretyatko A.Y.* (2014). Voennaja organizacija i voennoe upravlenie Oblasti Vojska Donskogo vo vtoroj polovine XIX veka [The military organization and military management of Don Host Oblast in the second half of the 19th century]. Rostov-on-Don, P. 236. [in Russian]
- Peretyat'ko, 2015** – *Peretyatko A.Y.* (2015). Donskoi separatizm 1860 gg.: mify, real'nost' i vliyanie na pravitel'stvennyu politiku [Don separatism of 1860: myths, reality and influence on government policy]. *Problemy polijetnichnogo makroregiona v uslovijah destabilizacii Kaspijsko-Chernomorskogo zarubezh'ja*. Rostov-on-Don, pp. 227-233. [in Russian].
- Potapova, 2013** – *Potapova N.K.* (2013). Lermontov i kazachestvo [Lermontov and the Cossacks]. *Tarkhan bulletin*. № 26, pp. 71-85. [in Russian]
- Pushkin, 1962** – *Pushkin A.S.* (1962). Istoriya Pugacheva [History of Pugachev]. Pushkin A.S. Collected works: in 10 volumes. Vol. VII. M., pp. 7-150. [in Russian]
- RGVIA** – Russian state military and historical archive.
- Ryblova, 2009** – *Ryblova M.A.* (2009). Kazak i kazachka: tipichnye obrazy v traditsionnoi kul'ture donskikh kazakov [Cossack-man and Cossack-woman: typical images in the traditional culture of the Don Cossacks] // *Dikarevskie chteniya-XIV*. [Digital source]. URL: <http://ryblova.ru/stati/obychai-i-obryady/kazak-i-kazachka-tipichnye-obrazy-v-traditsionnoj-kul'ture-donskih-kazakov> [in Russian]
- Saltykov-Shchedrin, 1864** – *Saltykov-Shchedrin M.E.* (1864). Literaturnye melochi [Literary trifles]. *Sovremennik*. № 5. [in Russian]
- Senyutkin, 1866** – *Senyutkin M.Kh.* (1866). Dontsy [Don Cossack]. Ch. 2. M., P. 282 [in Russian]

[Statisticheskoe opisanie, 1879](#) – Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego voiska [Statistical Description of the Siberian Cossack Host]. *Russky Invalid*. 1879. № 229, pp. 3-4. [in Russian]

[Spisok, 1891](#) – Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlenn po 1 sentjabrja 1891 g. [The list of generals in seniority. Compiled by September 1, 1891]. SPb., 1891. P. 907. [in Russian]

[Stoletie, 1911](#) – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902]. T.11. Ch.4. SPb., 1911. P. 462. [in Russian]

[Peretyatko, 2017a](#) – *Peretyatko A.Y.* (2017). "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3, pp. 937-948. [in Russian]

[Peretyatko, 2017b](#) – *Peretyatko A.Y.* (2017). "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part II. *Bylye Gody*. Vol. 46. Is. 4, pp. 1401-1415. [in Russian]

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – *Peretyatko A. Y., Zulfugarzade T.E.* (2017). Higher and Secondary Education of the Don Cossacks in the Context of the Epoch: the Time of the Great Reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2), pp. 367-377. [in Russian]

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017b](#) – *Peretyatko A. Y., Zulfugarzade T.E.* (2017). Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. 6(4), pp. 817-829. [in Russian]

[Volvenko, 2015a](#) – *Volvenko A.A.* (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaya Starina*. Vol.13. Is. 1, pp. 19-37. [in Russian]

[Volvenko, 2015b](#) – *Volvenko A.A.* (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III. *Russkaya Starina*. Vol.(15). Is. 3, pp. 194-207. [in Russian]

Образы казака и казачества в книгах Н.И. Краснова 1860 гг.: «граждане» против «воинов»

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Данная работа посвящена образам казака и казачества в официальных исследованиях, написанных офицером (позднее генералом) Главного управления иррегулярных войск Н.И. Красновым в 1863-1870 гг. Речь идет о его «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского» и двух версиях «Военного обозрения Земли Донского Войска». Автор показывает, что в своих ранних текстах Н.И. Краснов рассматривал казачество как крайне неэффективный социальный институт. По его мнению, социальные роли «казака-гражданина» и «казака-воина» были несовместимы. Между тем с XVIII в. институт казачества предполагал совмещение этих ролей, чем ставил казаков в «ложное» или «переходное» положение. Исходя из этого, Н.И. Краснов выступал за радикальные реформы казачества. К концу десятилетия он несколько смягчил свою позицию, однако продолжал считать роли «казаков-граждан» и казаков-воинов» несовместимыми.

Ключевые слова: образ казака, образ казачества, правительственная политика по отношению к казачьим войскам, Д.А. Милютин, Н.И. Краснов, «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского», «Военное обозрение Земли Донского Войска».

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)